

**СМОТРИТЕ
СЕРИАЛ ПО РОМАНУ
НА ЦЕНТРАЛЬНОМ
ТЕЛЕКАНАЛЕ**

ЧЕРЕЗ ВРЕМЯ, ЧЕРЕЗ ОКЕАН

**АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ**

Спецкор отдела расследований

Анна и Сергей Литвиновы
Через время, через океан

«ЭКСМО»

2009

Литвиновы А.

Через время, через океан / А. Литвиновы — «Эксмо»,
2009 — (Спецкор отдела расследований)

ISBN 978-5-699-37937-8

Надя Митрофанова не смогла пройти мимо старушки, которой стало плохо с сердцем на улице... Так она оказалась в квартире известнейшей балерины Лидии Крестовской. Вот только слава, положение, внимание властей и прессы остались в далеком прошлом – Надя увидела одинокую пожилую женщину, вынужденную во всем полагаться на своего домоправителя Егора. Рядом с балериной было и еще несколько не внушавших доверие людей: сотрудницы Дома искусств, озабоченные созданием ее музея, красавчик Влад, якобы пишущий монографию о прославленной танцовщице... Когда балерина ушла из жизни и ее тело тайно кремировали, выяснилось, что все имущество Крестовской принадлежит Егору. Но своей ли смертью умерла легенда эпохи?

ISBN 978-5-699-37937-8

© Литвиновы А., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Анна и Сергей Литвиновы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анна и Сергей Литвиновы

Через время, через океан

Все герои этого произведения – вымышленные, все события – придуманы. Всякое совпадение или сходство с реальностью возможно лишь случайно.

Только за час до своей смерти Лидия Крестовская поняла, что ее убивают. Убивают изощренно, профессионально. И – абсолютно недоказуемо.

А денек был хорош. Яркий, солнечный, шумный. Как полвека назад. Когда она, вся на нервах – и в то же время абсолютно уверенная в успехе, – собиралась на премьеру «Дон Кихота»... Свою премьеру. Вот странно: миновали десятилетия, а кажется – всего день пролетел. Те же запахи, звуки, такой же солнечный луч преломляется в зеркале старинного трюмо... И Тверская улица под окнами почти не изменилась. По-прежнему красивая, величественная, шумная.

Лидия всем говорила, что устала и готова умереть, уже давно. Но сейчас, когда *это* наконец стало совершаться, она вдруг поняла, как ей не хочется уходить. Как жаль расставаться с летом, с любимой Москвой, со своей квартирой. И особенно – умирать по чужой воле. По воле человека, которого она хотя и мучила и терзала капризами, но всегда считала своим другом.

– Зачем?.. – из последних сил, еле слышно прошептала балерина.

Но ответом ей был лишь нетерпеливый взгляд. В чужих (родных?) зрачках дрожало: «Ну, скорей же, скорей!» И еще в них был интерес естествоиспытателя, который уверен, что ее агония неминуема, но ему еще важны и детали.

Она из последних сил дернулась, попыталась отбросить одеяло... «Я ведь никогда не сдавалась, никогда!»

Но солнце уже стало меркнуть в ее глазах, и уличные звуки слышались все отдаленнее, и Лидия уже не понимала: то ли пошли последние отписанные ей минуты, то ли просто наступает закат...

* * *

Нищие Надю Митрофанову обожали. Хотя в Москве миллионы народа – есть, наверное, и более жалостливые, и уж точно более богатые, – но из толпы всегда выхватывают именно ее. Неужели попрошайки и впрямь специальные курсы посещают? На которых учат: если девушка задумчива, носит юбку ниже колена и не очень стройна – обязательно подаст? И на срочную операцию, и на хлебушек погорельцам, и даже просто на бутылку?

Сколько Надя себя помнила – она всегда кому-то помогала, не только нищим. Выгуливала подружку собаку, бегала за хлебом для приболевшей соседки, подменяла в предпраздничный день коллегу... А что поделаешь, коли всевышний наградил тебя несовременным, мягким характером?

А уж мужики из Нади просто веревки вили. Взять хотя бы сердечного друга, Полуянова. Он охотно пользуется Надиной добротой – живет в ее квартире, всегда ходит в чистой, наглаженной рубашке, накормлен, ухожен... Но замуж при этом не зовет. Естественно: ему проще и приятнее уноситься куда-нибудь в вихре событий, уставать, набираться впечатлений – одному! – а потом возвращаться под надежное и уютное Надино крылышко. Отсыпаться в ее аккуратной спальне, отведаться ее пирогами.

Вот и сейчас он умотал в Питер. В кино его, видите ли, сниматься позвали. С хорошим режиссером, роль почти что главная, да еще и фильм по его собственной книжке, просто глупо, сказал, отказываться. А что актеры, даже далеко не звезды, часто своих подруг на съемки берут, об этом он вроде и не ведает. По крайней мере, когда Надя заикнулась, что у нее как раз отпуск не отгулян, а в Питере белые ночи, Димка только отмахнулся:

– Да ты что, зайныка! Я сам-то на птичьих правах, куда еще ты!..

Ну, а раз «зайныкой» называет – значит, точно планирует в Питере загулять. Приударить за какой-нибудь актрисулей.

Вот и надейся на этого Полуянова...

В итоге попрощались они холодно.

Дмитрий отбыл на свои съемки, между прочим, в вагоне люкс, в отдельном купе с туалетом и душем (виданное ли дело?), а Надежда твердо решила: скучать без него не станет. Она открыта для любых безумств, положенных свободной женщине, вплоть до похода на мужской стриптиз. Хватит терпеть, надеяться и ждать.

Правда, пока удалось договориться лишь с бывшим одноклассником Михаилом – и не на стриптиз, а просто поболтать в кафешке. Не свидание, конечно, просто дружеская встреча, но надо же с чего-то начинать!

...И когда после работы Надя, принаряженная, спешила к метро, к ней прицепилась очередная старуха! Схватила на входе в подземку за рукав, молвила жалобно:

– Деточка! Хоть ты остановись! Совсем мне плохо!..

Первым Надиным порывом было просто сбросить бабкину руку со своего плеча и сухо, как в Москве принято, буркнуть: «Бог подаст!»

Но все же – что за наказание этот ее характер! – она чуть притормозила, встретила со старушкой глазами... Одетая та оказалась чистенько. И лицо приятное. А главное, на щеках пламенем горел неестественный румянец. Верный признак, что давление подскочило.

И Надя не удержалась, спросила:

– Что случилось?

А про себя решила – если бабка сейчас начнет разливаться, что у нее дом сгорел, то она пошлет ее однозначно.

Однако никаких горьких повестей старуха излагать не стала. Тяжело оперлась на руку Нади и прохрипела:

– Голова кружится... И грудь давит... А лекарство я дома оставила... Адельфан.

Ну, адельфану – цена копейка. И аптека совсем рядом, два шага от метро.

«Но с какой стати мне с ней возиться? И так опаздываю!»

Хотя приходиться на свидание точно к назначенному часу – дурной тон. Куда эффективнее самой явиться позже, чем полной душой ждать в кафе Мишку. Тот наверняка вовремя не придет, сейчас везде сплошные пробки, а одноклассник метро принципиально не использует. Лучше уж старушке помочь. Тем более у той и румянец расплылся совсем уж ярко. Ведь умереть человек может!

И Надя строго велела бабке:

– Адельфан я куплю. Пойдемте со мной, аптека рядом. Заодно и давление измерим. Там бесплатно можно.

И потащила старуху за собой.

А когда оказалось, что давление у несчастной под двести, Надя тем более не смогла ее бросить. Пусть Мишка, если хочет, обижается, но бабуле надо «Скорую» вызвать.

Однако, едва Надя вытащила мобильник, старуха взмолилась:

– Не надо «Скорой»!

И неожиданно извлекла откуда-то из складок одежды тысячную купюру, протянула Митрофановой:

– Пожалуйста, милая... Я тебе потом еще дам. Ты только меня домой отвези! Пенсионерка, швыряющая тысячи направо и налево, – это что-то новенькое.

Надя отвела руку с дрожащими в ней деньгами и мягко произнесла:

– Что вы! Не нужно...

Снова метнула взгляд на часы – опаздывала она уже конкретно – и закончила:

– Куда вам домой, с таким давлением!

– А в больницу я не пойду, – упрямо поджала губы старуха. – Сама, что ли, не знаешь, как там лечат! Особенно нас, пожилых... Уж доберусь как-нибудь до дому. Здесь недалеко.

И попыталась встать. Покачнулась. Надя подхватила ее под мышки. Стоявший в очереди народ равнодушно взирал на мизансцену, а кто встречал Надин молящий взгляд – демонстративно отворачивался. Да, это Москва. У всех свои дела. Передоверить бабку явно некому. Может, раз та такая богатая, просто пересадить ее на такси, и пусть катится?

И Надя пробормотала:

– А где вы живете?

Но старуха уже совсем сдала. Снова рухнула на стул, откинулась на спинку, прикрыла глаза. И прохрипела:

– В правом... кармане... Там адрес.

А какой-то дедок еще и поторапливает:

– Девушки, сколько можно стул занимать? Я давление измерить уже полчаса жду!..

Надя метнула на него гневный взгляд и отрезала:

– Значит, подождете еще!

Извлекла из бабкиного кармана аккуратно сложенный тетрадный листок, развернула, вчиталась в старческие каракули... Ого, а бабушка-то, похоже, из крутых! Вторая Тверская-Ямская улица, дом 54, самый центр.

Как сказал бы циничный Полуянов, весьма полезное, перспективное знакомство. Но главное, вот совпадение: ей самой как раз на Тверскую и нужно. Кафе, где они договорились встретиться с Мишкой, всего через два дома. Значит, это судьба. И человеку поможет, и на свидание попадет – пусть с опозданием.

Только прежде надо бабку, хотя бы минимально, в порядок привести.

Надя решительно обошла аптечную очередь. Какая-то мадам попыталась квакнуть, но девушка возмущенно произнесла:

– Не видите, что ли? Человеку плохо!

– Нам всем тут плохо... – проворчала дама, но более возражать не стала.

«Могу ведь, когда надо, всех построить! – мелькнуло у Нади. – Жаль, только для других получается – а для себя никогда».

Она приобрела на собственные средства упаковку адельфана, нитроглицерин и бутылочку минералки. Вернулась к своей подопечной, дала ей лекарства – та безропотно выпила. Аптечная публика поглядывала на Надю даже с некоторым уважением – как смотрят на опытного, не теряющегося в сложных ситуациях доктора. А старушонка растроганно бормотала:

– Спасибо, детонька, что б я без тебя делала...

«Поехала бы, как все, в больницу, – сердито подумала Надя. – А теперь вот таскайся с тобой».

Выглядела ее пациентка уже лучше. Вряд ли столь быстро подействовали таблетки – просто отдохнула немного да и уверилась, что о ней позаботятся, на произвол судьбы не бросят.

«Одно непонятно: мне-то это зачем надо? – тоскливо подумала Митрофанова. – Шла на свидание, а вместо него с какой-то бабкой вожусь. И ради чего?»

Вопрос риторический. Как насмехается тот же Полуянов, у Нади страсть к благотворительности в крови. Но только если другие на добрых делах целые состояния сколачивают,

Надежде никогда не перепало и копейки. Ну, просто рука у нее не поднимется взять у несчастной пенсионерки ее с трудом скопленную тысячу!

Ловить такси до Второй Тверской-Ямской сейчас бессмысленно – вечер, машин полно, минимум час будешь ползти, хотя ехать всего ничего. Придется на метро. Только бы бабуся от духоты и толпы опять помирать не стала.

«Ну, тогда сдам ее дежурной по станции – и все», – твердо решила Надя.

В конце концов, у нее свидание или как?..

* * *

Лидия Крестовская исполнила свое последнее фуэте сорок три года назад. Исполнила блистательно – и ведать не ведала, что этот спектакль окажется для нее последним...

То был обычный, рядовой вечер: ни единого важного гостя в правительственной ложе не ожидалось, и давали «Лебединое озеро», повторенное, зазубренное, годами выстраданное, и никакого телевидения. Но только для примы это все неважно. Она лучше всех и обязана выглядеть и танцевать соответственно. Никому и в голову не должно прийти, что суставы с утра болели ужасно – пришлось просить верную Люську вколоть анальгетик.

...Крестовская беспечно улыбалась мужу, преодолевая боль, порхала по квартире и даже предложила любимому: вот она отработает сегодняшний спектакль, а потом они махнут в Крым. На целую неделю! И будут, как во время медового месяца, пить «Массандру» и бродить босиком по пляжу...

Мужу идея понравилась, и он пообещал, что немедленно по прибытии на работу отправит своего ординарца за билетами, и Лидия, конечно, сделала вид, что поверила. Хотя прекрасно знала, что Виктор на самом деле еще более сумасшедший, чем она, на своей службе горит. Так что в Крым влюбленной парочкой они станут ездить гораздо позже – когда оба окончательно состарятся...

А едва муж отбыл на работу и необходимость делать вид, что все в порядке, отпала, Лидия едва не застонала. Что же такое с ней? Боль в ногах – она привычная, ничего нового. И мигрень на погоду – тоже рядовое явление. И какой-то озноб, пробегающий по телу, – он не от болезни, от нервов. Потому что вечером – спектакль. И неважно, что сегодня, как говорят у них в театре, «колхозный день» – придут зрители по билетам, распределяемым профкомами. Она все равно обязана быть безупречной. Совершенством. Богиней.

Крестовская всегда стремилась к идеалу – еще с первых своих классов в балетной школе. Когда совсем девчонкой оставалась в репетиционном зале после уроков, запиралась, чертила на полу мелом круг. И до мушек в глазах отрабатывала пресловутые фуэте. Вылетая сначала после двух па, потом после трех, десяти, шестнадцати... А сегодня в «Лебедином озере» ей предстояло сделать тридцать два оборота. И она, разумеется, не сомневалась, что исполнено все будет безукоризненно. Без единой погрешности, точно в унисон с оркестром.

Но только балет – он ведь не математика. И не спорт. Здесь не всегда достаточно всего лишь четко и без помарок отработать номер. Должно присутствовать что-то еще. Душа. Огонек. Кураж.

А вот куража-то сегодня как раз и не было. И даже за несколько часов до спектакля предательская мыслишка закрадывалась: не позвонить ли в театр? Не сказать ли больной? Но ведь и без того идут шепотки: что она, Крестовская, готова сойти с дистанции. Раз призовешь на помощь дублершу, другой – а потом тебя и вовсе из первого состава снимут...

И Лидия снова кликнула безропотную Люську. Велела сделать еще один укол. И приказала себе не думать о хвори, забыть о ней. И уже стоя за кулисами в ожидании своего выхода, поняла, что опять поступила правильно. Потому что эта особая атмосфера, дыхание зала, казавшееся сквозь плотный занавес шумом океана, способны излечить любое недомогание

и любой сплин. И пусть сегодняшние зрители совсем не знатоки балета и дружно хлопают совсем не в тех местах, где положено, бешеная энергия их присутствия, их сопереживания все равно заряжала фантастически. А уж когда посередине второго акта она увидела в служебной ложе такое родное лицо... Виктор. Любимый. Несмотря на всю свою занятость, он пришел – и неприкрыто любит ее...

Осмеливалась ли она надеяться, когда в балетной школе получала лишь презренные роли снежинок и колокольчиков, что ей будет рукоплескать лучший театр страны? Могла ли думать, что ее лицо, в общем-то заурядное, привлечет внимание самого замечательного, самого благородного и достойного мужчины в мире?

Когда же спектакль закончился и Виктор поднялся на сцену, лично подал букет ее любимых алых роз (презрев строгое правило театра, что цветы здесь вручают служительницы), она и вовсе почувствовала себя самой счастливой женщиной в мире. И ведать не ведала, что это ее блистательное выступление окажется последним. Потому что сегодня ночью ее мужа не станет.

Виктор погибнет внезапно, нелепо, несправедливо. И его смерть настолько ее ошеломит, что Лидия больше не сможет выступать. Сначала от горя заболит сама. А после, когда физическая боль отступит, поймет: ее основным козырем на сцене было то всепоглощающее, абсолютное счастье, которое она излучала. Но теперь мужа нет, и быть без него счастливой – абсолютно невозможно...

А дальше – без Виктора и без театра – ее жизнь окончательно покатится под откос. К забвению. К старости. К одиночеству. Медленно и неумолимо, ступенька за ступенькой.

* * *

Я всегда любил приключения – как и положено мальчишкам. У кого детство без них обходилось? Кто не уходил в пираты, не сбегал из дома в поисках сокровищ, не мечтал отыскать необитаемый остров? К тому же мне, в отличие от школьных друзей-приятелей, с родителями повезло. Обычно-то папаши с мамами лишь ухмыляются, заведи с ними чадо речь о кладках. В лучшем случае просят оставить их в покое, а то и вовсе сажают дите под замок – чтобы не сбежало на свой необитаемый остров. А у меня родители сами романтики. До сих пор помню, как у мамули горели глаза, когда она читала мне сказки про всяческих прекрасных принцев. А отец – тот вообще однажды старинную карту принес. На выцветшей бумаге, с ятями. И к ней – писанное чернилами сопроводительное письмо. Что в дальнем Подмосковье, за пару верст от деревеньки Туканово якобы изрядный клад зарыт. О-о, это были лучшие деньки в моей жизни! Когда вместе с папаней мы разрабатывали маршрут, брали напрокат металлоискатель, потом долго ехали, а ночью, при свете фонариков, копали в искомом квадрате землю... И, кстати, действительно клад нашли: старинный, девятнадцатого века, медный подсвечник.

Я, когда подрос, долго у папани выпытывал – сам ли он все придумал, и карту нарисовал, и подсвечник в чистом поле припрятал. Но тот, партизан, так и не признался. Только еще больше туману напустил. Мол, когда я совсем взрослым стану и докажу ему, что вырос достойным человеком, он мне и вовсе потрясную историю поведает. Про какой-то вроде бы совсем сумасшедший клад, который к тому же и принадлежит мне по праву... Заинтриговал ужасно, но ничего больше не рассказал, одни сплошные родительские напутствия: ты, сын, учись, набирайся мудрости, опыта. Потому как реальные богатства должны доставаться лишь тем, кто имеет право ими владеть. А если сокровище попадет в руки желторотого юнца, у которого к тому же во второй четверти трояк по русскому, то никакого толку не будет. Вот я и гадал: отец во мне стремление учиться таким образом вызывает? А может, он сам в детстве кладов не наискался? Ну, как в том анекдоте, когда мужика спрашивают, сына он хочет или дочку. А тот отвечает: «Конечно, сына! Чтоб наконец железную дорогу купить».

Но, как бы то ни было, родителей я обожал. Никогда они меня не давили, не ломали – что хочешь, то и твори. В разумных пределах, конечно. Сплошных пятерок не требовали, музыкой заниматься не заставляли. Единственное, на чем отец настаивал: чтоб я английский знал, как родной. Не для профессии, а потому, что цивилизованному человеку без иностранного языка никак. А у мамы был другой пунктик, она с детства мне на мозги капала: научись, мол, хоть что-нибудь делать лучше других. Что угодно, пусть даже мелочь. Танцевать, жарить яичницу, чинить розетки, рисовать закат...

Я правда пытался английским языком отделаться – достаточно, что его буду знать лучше, чем окружающие. Но не прокатило. Маман все зудела, что знание языка – умение рядовое. А ей, видите ли, изюминка нужна. Точнее, не ей, а чтобы сын у нее был с изюминкой. Мол, самому мне когда-нибудь это пригодится.

Ну, что ж. Всякие пляски, готовка или картинки – занятия для девочек, а я, мужчина, выбрал себе другое. Не самое сложное, но эффектное. Я решил научиться смешивать коктейли. Всякие. Лучше любого бармена. В юном возрасте практиковался на взбитых сливках, мороженом, газировке и сладких сиропах. Ну, а потом пошли «Дайкири», «Мохито», «Черный русский», «Секс на пляже» и сотни, без преувеличения, сотни других, менее известных. И мама (хотя выбранное мною хобби, я видел, ее несколько разочаровало) всячески поощряла мои старания. Доставала специальные книжки, искала ингредиенты, безропотно давала деньги на шейкеры и все положенные бокалы...

Самое интересное, что эта, как я всегда про себя думал, родительская блажь действительно сослужила мне добрую службу. Потому что, когда я уже учился в институте (ничего особенного, просто на инженера-гидростроителя), у нас вдруг объявили конкурс: пятеро самых лучших студентов едут на стажировку в Америку. Это был девяносто восьмой год, Америка всем казалась невыразимо сладким раем, и за поездку разгорелась самая настоящая битва. И я, далеко не отличник, был почти уверен: победа мне не светит. С чего американцам брать рядового четверочника, когда мой однокурсник Н. уже опубликовал пару статей в научных журналах, а однокурсник Р. помимо пятерок по всем предметам еще и отлично играет в теннис? Но все же (во многом благодаря вбитому папаней английскому) я прошел в число финалистов и оказался на собеседовании, которое проводили штатники. Ну, один из них и спросил, словно бы между делом:

– По поводу ваших научных интересов мы поняли. А что, господин Шипов, вы умеете делать лучше других?

Я и брякнул:

– Коктейли смешивать.

– Водку с апельсиновым соком? – серьезно поинтересовался америкос.

А я скромно ответил:

– Ну, если вы имеете в виду «Screwdriver», то я умею готовить по меньшей мере десять его различных вариаций...

И стал рассказывать, какие.

И, мой бог, американцы сразу чрезвычайно оживились, перестали рассматривать пейзаж за окном и украдкой заглядывать в газеты. А на девятом варианте – в коктейль добавляют палочку корицы, а бокал украшают приготовленным по особому рецепту цукатом – сломались. И в Штаты – в компании четверых факультетских зануд – отправили и меня.

И что самое удивительное: коллег-товарищей по истечении двух месяцев стажировки дружно отослали домой. А мне предложили учиться дальше: «Есть в вас, господин Шипов, какая-то изюминка...»

На первых порах мне пришлось тяжело. Американцы – они ведь не совсем благотворители. Оплачивали одну учебу, а жилье, учебники и еду приходилось, хоть умри, добывать самому. Но я не роптал. Тем более что разрешение на работу part-time было. Начинал в скром-

ном ресторанчике официантом, потом пару раз подменил заболевшего бармена... А однажды шеф попробовал смешанный мною «Закат над Карибами» – тут и наступил мой звездный час. И очень скоро на коктейли «этого русского» начал ходить практически весь студенческий городок. Теперь одних чаевых хватало, чтобы платить за жилье и прочее – ну, а я ведь еще и всякие милые хитрости практиковал. Хорошо знакомые любому российскому бармену, но неизвестные в Штатах. Чуть менял рецептуру – чтобы вкус был, как у настоящей «кровавой Мэри», но и лишняя водка оставалась.

Потому жил почти как король. Любые джинсы и все, что положено, и родителям в Москву регулярно посылки отправлял... Да и в университете дела неплохо шли. Студенты ведь в основном на две группы делятся: или откровенные ботаники, не приспособленные к реальной жизни, или же конкретные лоботрясы. А я оказался как раз посерединке. Удовлетворительный багаж знаний плюс немалая практическая сметка. То есть человек, безусловно полезный любому работодателю. Потому у меня уже на последнем курсе было как минимум пять предложений о работе. Так и удалось зацепиться за страну. Начинать помаленьку, на смешной зарплате, и сейчас, спустя десять лет, не барствую, конечно, но свои сто тысяч в год получаю. А этой весной осуществил наконец давнюю мечту. Вытащил к себе в гости родителей. И получилось, честное слово, как в моем детстве – только наоборот. Тогда маман с папан пытались устроить мне сказку – приключения, клады, цирки, интересные книжки и прочее. А теперь – я им настоящую нирвану организовал. В Москве-то они, пенсионеры, привыкли каждую копейку считать и на рынках в целях экономии отовариваться. В Штатах же, с моей помощью, конечно, они могли позволить себе все, что угодно. Любые рестораны, покупки в дорогих магазинах, всевозможные театры с музеями...

Родители мои милые, как-то вдруг в одночасье постаревшие, откровенно наслаждались открывшейся им «страной больших возможностей». Голливуд, Лос-Анджелес, Лас-Вегас, даже Диснейленд – все это радовало их, словно детей. А больше всего, я видел, они были счастливы потому, что я, их любимый и единственный сын, реально вписался в американскую действительность. У меня есть свой дом и новенькая «Тойота», и в ресторанах я им помогаю заказывать, и на самые достойные распродажи вожу...

А вечером, уже накануне их отъезда, папа попросил, чтоб я отправил маму «в какой-нибудь самый затягивающий магазин». И на ушко шепнул:

– Чтоб как можно дольше бродила... Мне с тобой поговорить надо. Как мужчине с женщиной.

И за «Манхэттенем», моим фирменным коктейлем, словно бы между прочим спросил:

– Влад, скажи. Ты когда-нибудь слышал про генерал-полковника Маркова?

И уставился испытующе.

А я в полководцах не силен и потому брякнул первое, что пришло в голову:

– Улицу генерала Маркова в Москве помню. Там еще неплохой кабак был... Не знаю, остался ли он сейчас.

Отец поморщился:

– Все бы тебе кабаки!

Сделал еще один глоток моего «Манхэттена». И назидательно продолжил:

– Генерал-полковник Виктор Петрович Марков, к твоему сведению, известнейший офицер. Кавалер множества орденов. Это благодаря ему мы одержали победу на Курской дуге. Маршал Жуков о нем писал, что это был в высшей степени грамотный военный, сделавший очень многое для укрепления обороноспособности нашей страны.

– Очень интересно, конечно, – вежливо начал я. И невежливо закончил: – Только мне-то что до него?

Но отец будто не слышал. Задумчиво произнес:

– Генерал Марков, помимо прочего, был исключительно обаятельным человеком. Высокий, статный, породистый. Считался одним из первых красавцев столицы. Но женить его на себе долго ни у кого не получалось. Очень долго. И только когда ему было сорок, он вступил в брак. С очень известной балериной. Лидия Крестовская, ее-то ты хотя бы знаешь?

– Ага, – кивнул я. – Читал. Это та самая, что могла фуэте в шестьдесят четыре оборота прокрутить?

– Ну, про шестьдесят четыре оборота – это, наверно, преувеличение, но примой Главного театра страны она была очень долго.

– Что ж. Генералы часто женятся на балеринах. Работа такая, – кивнул я, решительно не понимая, к чему клонит папаня.

– Это была пара, известная на весь Советский Союз. И жили они, кажется, счастливо. По крайней мере, генерал обязательно присутствовал на всех выступлениях Крестовской. И всегда дарил ей букеты – охапки ее любимых алых роз...

Отец снова запнулся. Я терпеливо ждал.

– Я читал все, что написано об этих людях – по крайней мере в официальных источниках, – но ответа на свой вопрос так и не нашел. Поэтому остается лишь гадать: а знала ли она?.. И я почти уверен, что знала. Она была – да и сейчас остается – исключительно мудрой и тонко чувствующей женщиной...

– Кто – она?

– Лидия Крестовская. Законная супруга генерала.

– Да о чем знала-то?

– О том, что у Маркова была другая семья. Неофициальная. И что у него растет дочь.

И тут я начал наконец догадываться. Ведь моя мать – когда я пытался ее расспрашивать – никогда не рассказывала о своем отце...

– Ты хочешь сказать... – выдохнул я.

– Да, – грустно кивнул папа. – Генерал Марков – твой дед.

– Но...

– Доказать это невозможно, – торопливо сказал отец. – Тот его первый брак не был зарегистрирован. И в свидетельстве о рождении твоей мамы в графе «отец» стоит прочерк. Свою связь Марков и твоя бабушка тщательно скрывали. Однако о дочери генерал знал. Вплоть до самой своей смерти помогал им деньгами. Выбил квартиру...

Так вот почему моя скромная бабушка проживает в роскошной кирпичной «двушке» в престижнейшем столичном районе!

– А когда, ты говоришь, генерал умер? – пробормотал я.

– Очень давно. Сорок три года назад.

– А ты мне рассказываешь только сейчас, – обиженно буркнул я.

Отец же спокойно парировал:

– Но зачем тебе было знать об этом раньше? Чтобы хвастать своим именитым родственником перед одноклассниками?

– Да при чем здесь хвастать! – хмыкнул я. – Просто я знал бы: от кого у меня этот медальный профиль. Генеральские повадки. Пронзительный взгляд... В конце концов, улица Маркова – в какой-то степени в мою честь названа!

– Не надо ерничать, Влад, – устало произнес отец. – И повторюсь: юридически – тебе Марков не дед. Твоя бабушка никогда не пыталась посягать на его фамилию. И на его имущество.

– А... много у него было имущества?.. – вкрадчиво поинтересовался я.

– Сколько бы ни было – тебе оно не принадлежит, – отрезал отец. – У генерала есть законные наследники.

– Ну, и какой мне тогда от этого родства толк? – хмыкнул я.

– Все бы тебе толк, Владик... – вздохнул отец. – Хотя, может быть, так и нужно. Вон ты какой практичный. В Америке на хорошей должности, свой коттедж, машина... – И одним махом допил свой коктейль. А потом отставил бокал и веско произнес: – Ладно. Все-таки расскажу. Дело в том, что твоей маме – и тебе – действительно кое-что завещано. Это старинная, принадлежавшая еще бабке Маркова брошь. Удивительно изящная, с чистейшей воды бриллиантом в центре. Очень дорогая... Генерал всегда говорил, что она должна достаться его единственной дочери.

Мое сердце предвкушающе забилося. Кажется, разговор сворачивал на тот самый, исключительной ценности, клад. На который еще в моем далеком детстве глухо намекал отец.

– Марков очень ценил, что твоя бабушка не стала поднимать шума, когда он ушел от нее – ушел к блистательной Крестовской. И пусть он бросил свою любовницу – но не бросил дочь. И, чтобы доказать это, написал завещание. Вот оно.

Отец извлек из кармана и бережно расправил пожелтевший от времени листок. Я жадно вчитался в написанные уверенным почерком строки:

Завещание

Двадцать пятого марта Одна тысяча девятьсот шестьдесят шестого года.

Я, Марков Виктор Петрович, проживающий по адресу: город Москва, улица 2-я Тверская-Ямская, дом 54, квартира 16, настоящим завещанием на случай моей смерти делаю следующее распоряжение:

Из принадлежащего мне имущества, как то: брошь из драгоценных камней и бриллиантов, изображающая сидящего на цветущей ветке орла с распростертыми крыльями, который держит в клюве желтый бриллиант размером четыре карата огранки «бриолет», покрытая изумрудами, рубинами, сапфирами и бриллиантами огранки «подушечкой», в серебряной и золотой оправе, изготовлена приблизительно в 1750 году, длина – 7,6 см – завещаю Лукиной Марине Серафимовне (девичья фамилия, имя, отчество моей мамы!) в ее полное и безраздельное владение.

Содержание соответствующих статей ГК РСФСР мне разъяснено. Настоящее завещание составлено и подписано в двух экземплярах, один из которых направляется на хранение в Государственную нотариальную контору номер 8. Настоящее завещание удостоверено мною, нотариусом Котенковым Г.В.

И подпись:

В. Марков

– Пап... – тихо вымолвил я. – Но это ведь вообще обалдеть!.. Такая вещица! Она ж бешеных денег стоит!..

Отец лишь вздохнул.

А я перешел к следующему – очень, признаться, меня волнующему вопросу:

– Но где эта брошь сейчас?

– Ох, Влад... – вздохнул отец. – Теперь мы переходим с тобой к самому сложному. Дело в том, что драгоценность скорее всего находится у Лидии Крестовской. У той самой балерины.

– Но с какой стати? – опешил я.

– Знаешь... жизнь иногда выкидывает досадные фортели... Grimаса судьбы, больше ничего. Брошь всегда хранилась в доме твоей бабушки – хотя моя теща, понятное дело, никуда с ней и не выходила. В те времена кто мог себе позволить появляться с бриллиантами? Жены дипломатов, те же звезды балетные, но не простая учительница, как твоя бабка. Поэтому она любовалась сокровищем лишь дома. И однажды, примеряя брошь с новым платьем, случайно сломала у нее замочек. Очень расстроилась, конечно, расплакалась, позвонила Маркову... А тот (хотя отношения у них к тому времени почти разладились) успокоил ее и пообещал, что он отнесет драгоценность к ювелиру и починит. И он все сделал, позвонил твоей бабке и сказал,

что замочек исправили и завтра он брошь вернет. А ночью генерал внезапно скончался. Погиб при невыясненных обстоятельствах. И драгоценность принести не успел.

– Но если есть завещание... Надо было явиться к этой балерине! Потребовать свое!..

– Твоя бабушка, а потом и твоя мама делать это категорически отказались.

– Почему?

– Бабушка – та просто очень боялась того, что все узнают об ее отношениях с генералом. Ведь она коммунистка была, секретарь парторганизации. И вдруг – внебрачная связь, да с кем! А мама... Ну, ты же знаешь нашу маму. Она очень любит сказки про принцев – и совсем не приспособлена к жизненным дразгам. А тут бы пришлось доказывать, спорить... Возможно, судиться... Не захотела сама – и мне не позволила.

– Ну, а сейчас... Сейчас, наверное, слишком поздно, – задумчиво произнес я. – У завещаний, кажется, какие-то сроки давности есть... Не вступил вовремя в наследство – и все, до свидания.

– Но ведь текст завещания остался. И его копия в нотариальной конторе наверняка тоже, – задумчиво произнес отец. – И Лидия Крестовская еще жива. И ты, – он внимательно взглянул на меня, – наконец вырос и производишь впечатление человека, который... м-мм... умеет устраиваться в жизни.

– Я все понял, папа, – поспешно кивнул я. – Я все понял...

* * *

Старики – они как дети. Только что горе горькое, жизнь кончена, но обрати на них внимание, пожалей, приласкай – и мгновенно расцветают.

Вот и спасенная Надей бабулька, совсем недавно почти что умиравшая, в метро воспрянула – несмотря на час пик и духоту. Царственным кивком поблагодарила паренька, что уступил ей место, и даже пыталась, перекрикивая грохот поезда, завязать с Надей классическую пенсионерскую беседу: мол, цены растут, на улицах грязь, а из-за приезжих шагу ступить некуда...

Надя в разговор не вступала. Ей места, разумеется, никто не уступил, и она, одной рукой вцепившись в поручень, второй пыталась отстучать однокласснику Мишке извинительную эсэмэску. На свидание она уже опоздала – как минимум на двадцать минут. Может, просто бросить бабку на «Пушкинской» и со всех ног рвануть в кафе? А то ведь, мелькнула предательская мыслишка, Мишка может и не дожждаться. Он парень видный, а в столичных увеселительных заведениях девушек вечерами куда больше, чем молодых людей...

Но отвязаться от старухи оказалось непросто. Едва они вышли на станции, та по-хозяйски оперлась на Надину руку и объявила:

– Домой пойдем по Дмитровке – там народу меньше.

– Послушайте! – психанула Надя. – Давайте вы сами пойдете по Дмитровке! А я, между прочим, опаздываю!

И бабка мгновенно преобразилась: снова потерянный взгляд выцветших старческих глаз, и дрожащие губы, и воздух начала хватать, будто задыхается, и взмолилась:

– Деточка! Не бросай меня!

Вот артистка!

А тут, очень кстати для старушенции, и от Мишки ответная эсэмэска пришла: дескать, извини, застрял в пробке, когда доплетусь, неизвестно.

Надя же короткой вспышкой вдруг увидела себя со стороны. Что у нее за нескладное житье-бытье! Кругом полно счастливых парочек, девчонки – сплошь с сияющими глазами и с букетами, а ее постоянный поклонник, видите ли, на съемках в Санкт-Петербурге. Кадрит

актрисок и прочий кинематографический персонал. А поклонник временный неизвестно когда доплетется. Да еще и незнакомая бабка на плече повисла...

«Так, видно, всегда и будет, – грустно подумала она. – Вечно я решаю чужие проблемы, провожаю других. А те, кого жду я, не приходят...»

И дело, конечно, не в безобразно опаздывающем однокласснике. Бог с ним, с Мишкой. Главное, что Дима Полуянов – ее единственная и настоящая любовь – не звонит. Уже целых три дня...

Старуха же, будто почувствовав ее состояние, вдруг спросила:

– Детонька... А ты уверена, что вообще хочешь идти на это свое свидание?

– С чего вы взяли про свидание? – буркнула Надежда.

– А куда еще можно спешить в центре Москвы в восемь вечера? – улыбнулась бабуся. И вдруг предложила: – Давай лучше ко мне в гости пойдем. Я тебя чаем напою...

«...И буду весь вечер вещать: про низкую пенсию да про всякие артриты с артрозами».

– Нет, спасибо, – покачала головой Надя. – До подъезда вас доведу, раз уж взялась, а дальше у меня дела.

Бабка же проницательно взглянула на нее и вдруг вымолвила:

– Знаешь, милая. Я не буду тебя уговаривать. Скажу лишь одно: когда тебе будет восемьдесят восемь – как мне, – ты поймешь, что в старости сожалеешь совсем не об ушедшей молодости и не о былой красоте. Жальче всего тебе будет времени, которое ты в своей жизни потратила – на неинтересных людей, на пустые разговоры. На ненужные свидания...

– А вы, конечно, человек исключительно нужный, – не выдержала Надя.

Старуха лишь рукой взмахнула:

– Да разве я про себя! Что я – ноль, безликая тень. Всю жизнь в домработницах. Я тебя совсем с другим человеком познакомиться хочу. С хозяйкой своей. С Лидией Крестовской. Слышала про нее?

– Крестовская? Это... это та самая? Знаменитая балерина? Любимица Сталина? – наморщила лоб Надя.

– Она не просто балерина, – строго произнесла старушенция. – Лидочка – великий человек. Талантливый. Мудрый. – И неожиданно сбавила пафосный тон, взглянула моляще. – Давай поднимемся. Пожалуйста! Лидочка, она... она очень одинока! И так любит, когда к нам приходят гости!

Надя когда-то видела – разумеется, в записи, совсем старой, черно-белой, – сколь блистательно Крестовская танцует партию Китри в «Дон Кихоте». И, помнится, поразились – даже не технике исполнения, а той бешеной энергии, что излучала балерина. Она вся была огонь, вихрь, сгусток счастья. Но то были съемки, кажется, шестьдесят какого-то лохматого года. Сколько ж сейчас Крестовской лет?

А старуха продолжала уговаривать:

– У нас профитроли есть, я утром сама испекла. И сыр, настоящий французский бри, Егор Егорович принес. И вино. Сухое красное вино. И... разве тебе не интересно познакомиться с человеком-легендой?

«Ага. Только эта легенда – наверняка старуха еще постарше тебя. Начнете меня на пару рассказами о своих болячках грузить».

И Надя совсем уже было собралась отказаться – но тут ее мобильник возвестил об еще одной эсэмэске. «Я только на Шереметьевской. Ехать минимум полчаса», – сообщал одноклассник.

А она-то переживала, что на целых двадцать минут опаздывает!

И Надя вздохнула:

– Ладно. Я поднимусь. Только совсем ненадолго.

...Подъезд в доме балерины оказался абсолютно барским – с широченной мраморной лестницей, зеркалами, пол устлан ковром. Вход сторожил военной выправки консьерж. Он кивнул бабке, мазнул внимательным взглядом по Наде. Подозрительно спросил:

– Девушка с вами?

– Да, – с достоинством кивнула старуха. И зачем-то добавила: – Ее пригласила Лидия Михайловна. Лично.

Страж больше никаких вопросов задавать не стал, снова уткнулся в кроссворд. А когда поднялись на скоростном, явно позднейшей постройки лифте на пятый этаж, оказалось, что их встречают и здесь. Дверь квартиры распахнута, о косяк опирается дядька – какой-то весь рыхлый, неприбранный, нескладный. Но глазенки цепкие, и рот кривится недовольно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.